

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Сейчас модно писать о еде, делиться впечатлениями и рецептами.

Существует множество кулинарных передач и не меньше кулинарных блогеров. И даже целые тематические телеканалы — их, кажется, несколько. Только ленивый не взялся за это. А я уж точно не из ленивых. И еще — все так устали от событий последних лет, что мне захотелось написать книгу легкую, без драматических сюжетов, без описания трагических судеб героев — словом, такую, чтобы прочитав и улыбнуться. А возможно, кому-то пригодятся мои проверенные рецепты — а здесь будут только такие. Надеюсь, они вас не разочаруют.

Кстати, несколько моих коллег написали прекрасные книги именно о еде: Екатерина Вильмонт — «Мы дети галактики», Дарья Донцова — «Кулинарную книгу лентяйки», Маша Трауб — «Суп, второе и компот», Екатерина Рождественская — «Жили-были, пили-ели». Книги эти написаны с юмором и, между прочим, очень полезны — некоторыми рецептами я с удовольствием пользуюсь. В общем, спасибо, дорогие коллеги. Как говорится, зашло.

Итак, я поделюсь с вами кулинарными воспоминаниями, правдивыми историями, смешными и не очень, многолетним опытом хозяйки и, конечно, рецептами.

Ну поехали?

Детство

В Советском Союзе культивировался образ здорового ребенка: румяные, толстые, выглядывающие из-за ушей щеки с ямочками, перевязки на ручках и ножках — словом, этакий пухлый и веселый толстячок с вечно открытым, как у птенца, ротиком. Наверное, это последствия голода и войны, и любой худой ребенок считался недокормышем, рахитиком и даже больным. Родителей такого дитяти обсуждали и осуждали.

Так же было и со мной — в детстве я была худющей, даже тощей (где эти счастливые времена!), есть не любила в принципе, что было вечным поводом для страданий мамы и бабушки. Вкусное — а бабушка была кулинаркой отменной, — полезное и не очень, кислое или сладкое вызывало гримасу на моем бледном и худом личике. Развеселить могло только мороженое, здесь без вариантов. А, вру, еще фрукты! Фруктовым наркоманом я была всегда. В два года меня спросили: «Кого ты больше всего на свете любишь?» Я честно ответила: «Абуз». В смысле, арбуз. Моя любовь к арбузам, надо сказать, сохранилась. А еще к черешне, абрикосам, смородине, крыжовнику, грушам и яблокам. Но эта роскошь была доступна только в летние месяцы, да

и то на курорте — в столице, где цены на рынке кусались, мне покупали маленькие кулечки с любимыми фруктами. Выручали бабульки на дачных крошечных самопальных рыночках, продающие фрукты кучками, а ягоды баночками. Но каждое лето мы уезжали на Украину, в Бердянск, к бабушкиной сестре, и вот там наступало раздолье. Но об этом позже, отдельной главой.

Единственные ягоды, к которым я равнодушна, — клубника и земляника. Я их просто не ем. Навсегда осталось в памяти: крошечный пирожок с земляничным вареньем — и через час вызов «Скорой», ребенок корчится от болей в животе. Такая вот аллергия. С возрастом прошло, но ягоды эти мне безразличны, в памяти остались жуткие боли.

* * *

В полтора года мама отвезла меня к бабушке по отцу в дачный поселок под Донецком и оставила жесткие инструкции — чем кормить и как. В рацион входили каши, легкие овощные супы, отварное мясо или рыба. Мама вернулась дней через десять и застала такую картину — дочь ее, то есть я, бегала по дому, держа в руке что-то замусоленное, непонятное, по виду липкое или жирное. И что удивительно — ребенок засовывал в рот это нечто, как соску или конфету, и издавал звуки радости.

— Что это? — ледяным голосом поинтересовалась мама у свекрови. — Что у нее во рту?

— Сало, — спокойно ответила свекровь, — борщ съела, а сало не доела.

— Борщ? — повторила мама. — Борщ со сметаной? На жирной грудинке?

Свекровь спокойно кивнула:

— А на чем же еще?

— Сало? — шепотом повторила мама. — А что с ней будет потом?

— А что будет? — легкомысленно пожала плечами свекровь. — Ничего! Она все дни ест сало с борщом! И что? Ничего! Смотри, как ей нравится!

Мне, кажется, это действительно нравилось. По крайней мере мой вид говорил именно об этом — полоску сала из рук я не выпустила, несмотря на мамины усилия. И ничего со мной не случилось — все было отлично! Ни жирная грудинка мне не навредила, ни домашняя жирная сметана. И сало не навредило — я его полюбила.

Но это так, штрих. Штрих к главе «Детство».

Обычный ребенок, обычный детсад. И детсадовская еда — об этом написаны тома — застывший блин манной каши, отчаянно сладкий чай или тошнотворный желудевый кофе, несъедобный суп с пшенной крупой, жесткие котлеты, невозможно воняющая жареная рыба, наверняка из самых дешевых. И еще рыбий жир — я дитя поколения рыбьего жира.

В дни, когда готовили рыбу — отваривали, жарили, тушили, — помещение детского сада прованивало так, что, несмотря на погоду, воспитательницы распахивали окна.

В общем, в саду я не ела. Сидела над тарелкой и роняла слезы в кашу и суп.

И я была не одна.

Садик мой находился во дворе дома на Кировской, ныне Мясницкой, где прямо за углом был хороший, всем известный рыбный магазин. Я помню конусообразные конструкции из банок с крабами и белые овальные эмалированные лотки с икрой — красной и черной. Последняя была представлена в нескольких видах — ястычная, в неаппетитной желтой слизи (потом я узнала, какая она вкусная), крепко спрессованная, трудно разрезаемая и липкая паюсная и, собственно, королевская, белужья или осетровая, зернистая, сероватая, с жемчужным отливом и отдельными ядрышками. Эта королевишна нам была не по карману, ястычную я, ребенок, есть бы не стала, а вот паюсную мама покупала — брикетик граммов на пятьдесят, завернутый в прозрачную кальку. Процедура была обязательной, назначенной детским врачом, для поддержания гемоглобина у доходяги-дочурки.

Икру я съедала — слизывала с бумаги там же, в магазине, на мраморном столике возле окна. Ела себе и посматривала в окно. Ела без аппетита, равнодушно, потому, что так надо, «иначе ноги таскать не будешь», говорила бабушка. Хорошо помню прилипшие к зубам икринки, дома я тут же бросалась чистить зубы.

Икру икрой, но доходягой я оставалась. Каждое кормление — обоюдная пытка, и для меня, и для родителей.

Помню летний выездной детский сад от маминной работы. И это было спасение для родителей — дитя проводило лето на воздухе. Спасение для родителей и, уверена, горе для детей. Нам там было плохо. Находился выездной сад далеко от Москвы, под Рузой, в Пестово, и моя мама почти каждые выходные добиралась туда на попутных грузовиках.

Она приезжала с бабушкиными котлетами, курицей, фруктами, чтобы подкормить несчастного ребенка. Но бабушкина еда меня не интересовала. Мне было плохо — какие котлеты?

Лето стояло холодное и бесконечно дождливое, в домике, где мы жили, было сыро и пахло плесенью, и постельное белье было сырým, да и все наши вещи тоже. На улицу нас не пускали — дожди. Как же было тоскливо! Мы, дети, искусаннные комарами, в зудящих, кровавых расчесах, шмыгали сопливыми носами и постоянно ревели.

Наверное, нам читали книжки и как-то пытались развлечь. Честно — не помню. Помню одно — после завтрака и до обеда я залипала у окна и ждала маму. За окном был тот еще пейзаж — размытые глиняные дороги, серое низкое небо и бесконечный, изнуряющий дождь.

— Не приедет твоя мама, — зло гаркала воспиталка, больно дергая меня за руку. — Среда сегодня, рабочий день!

Я вырывалась и ненавидела весь белый свет.

Старые дешевые пластиковые игрушки: машинки без колес, куклы без глаз и без рук — надоели нам до чертей. Рисовать не хотелось, лепить из пластилина тоже. Вообще ничего не хотелось. Только

домой. Считать мы еще не умели, и лето казалось нам нескончаемым.

А, да — была еще такая штука, как родительский день. Не ко всем приезжала родня. Но те родители, которые приезжали... Думаю, это было зрелище. Они ковыляли по дороге с набитыми сумками, разбирали детей и уводили их в лес покормить. Пихали все, что привезли. Ну и, естественно, к ночи у бедных перекормленных детей начинали болеть животы, и раздавались злобные окрики воспитателей — их можно было понять. Начинался грохот ночных горшков. Кто-то попадал в изолятор.

Слава богу, через пару лет у меня родилась младшая сестра, и выездной детский сад закончился, мы стали снимать дачи. Правда, появился пионерлагерь. Но вот там все было прекрасно, потому что на еду нам было наплевать, а жизнь расцветилась многими красками — тут и кружки, и игра «Зарница», и встреча рассвета, и ночные костры с печеной картошкой, и танцы в клубе, и кино. И первые влюбленности, и новые подружки, и тетради-песенники. В общем, жизнь!

Конечно, и там было невкусно и голодно — к вечеру, точнее ко сну, все дружно хотели есть. Но мы уже повзрослели и кое-что кумекали — например, воровали в столовке хлеб и соль и ночью в кроватях под страшные истории про черную руку дружно жевали этот хлеб, сдобрив его сольцой.

Раз в неделю приезжал автобусик с посылками от родителей: карамельки, пряники, вафли, печенье. Кажется, всё. Кто-то посылки не получал. Мы вываливали все на стол и делили на всех, а как иначе?

Убегали с мальчишками в лес и пекли картошку, сворованную на колхозном поле. А самые смелые и отчаянные через дыру в заборе бегали в деревенский магазин и оттуда приносили немислимые ценности — плавленные сырки, сладкие кукурузные хлопья в коробочке по пять копеек, семечки, развесные карамельки, обвалянные в сахаре, с прилипшими лапками мух. Но кто обращал на это внимание? А однажды мальчишки принесли трехлитровую банку сливового джема и несколько белых, еще теплых батончиков. И мы устроили праздник.

Веселая и бурная лагерная жизнь была не очень сытой, но все компенсировалось. В отличие от выездного детского сада лагерь я полюбила.

С первого по шестой класс я училась на Соколе, в прекрасной старой школе, стоявшей в яблоневом саду. Справа школа, слева знаменитый Поселок художников. Жили мы от школы в двух минутах ходьбы, комната была большой и светлой, с огромным, на всю стену, окном-эркером. Под широченным подоконником, на котором мы с сестрой обожали сидеть, стояла чугунная, пышущая жаром батарея. Рядом с окном стоял и обеденный стол. На батарею мама повесила увлажнитель воздуха — керамический контейнер, в который наливалась вода. Но наливать воду забывали, и я использовала увлажнитель по другому назначению: скидывала туда недоеденные котлеты. Видимо, от сильной температуры, исходящей от батареи, пицца не тухла, а высыхала, мумифицировалась, и мои деяния до поры оставались незамеченными. Но настал день, когда мама добралась до увлажнителя.

— Что это? — закричала она. — Что здесь лежит?

Надо сказать, что остатки еды замечательно высохли, и понять, что это, было непросто.

Что было дальше? Думаю, всем понятно. Увлажнитель стал использоваться по назначению, а мне досталось по полной.

— Это же бабушкин труд! — возмущалась мама. — Это же продукты, как ты могла?

Что я понимала тогда про тяжелый труд хозяйки? Да ничего.

Помню еще замечательные поездки на рыбалку. Дед наш Владимир Тимофеевич был рыбаком и охотником. На дедовой «Волге», еще «двадцать первой», ярко-голубой, с бегущим оленем на капоте, мы уезжали ранним субботним утром. Располагались на берегу речки Нары — удочки, корзинки, брезент, рыбацкие стульчики, стол на металлических ножках. И дед начинал рыбалку. Попадались сплошная мелочь: серебристые пескарики, плотвичка, карасики. Женщины чистили рыбку, но уху варил дед. Ставилась тренога, вешался закопченный котелок, и начиналось действие.

Я не помню вкус этой ухи, но помню вкус счастья — все рядом и все вместе: родители, бабушка, дед с женой, мы с сестрой. Вокруг густой лес, внизу серебрится неширокая речка, и чувство покоя, защищенности, тихой радости наполняет меня.

По осени вместе с дедом мы ездили за грибами. Грибником дед был знатным, сам грибы и солил, и сушил, и мариновал. Зимой грибочки шли на ура.

Да, часы и минуты счастливого детства — такое не забывается.

* * *

В школьной столовой все было как у всех: советский общепит с мечеными тарелками, алюминиевыми, никогда не отмывающимися жирными ложками и вилками, полупустыми супами, каменными котлетами и макаронами в непонятной подливке, ну и, конечно, с компотом из сухофруктов. К компоту продавались песочные коржики с орешками, пахнувшие содой. В столовку нас мог затащить только голод. Но это чувство быстро исчезало — пахло там не ах.

И вот однажды все изменилось. В нашей столовке появилась новая повариха. Звали ее тетей Шурой. Необъятная, с круглым, лоснящимся от пота лицом, с которого не сходила широкая, обнажающая золотой ряд зубов добродушнейшая улыбка. Тетя Шура взялась за дело.

Два дня в неделю были объявлены Днем пончиков — настоящих, с хрустящей корочкой и нежным, воздушным нутром, щедро посыпанных сахарной пудрой, таявших во рту и, конечно же, вызывавших неопиcуемый восторг. Что в эти дни творилось в столовой! Нагло напирало старшекласники отталкивали несчастных малышей и вежливо оттирали учителей. Конечно, была квота — два пончика в руки. Но здоровенные балбесы умудрялись удвоить эту жалкую норму. Да, это был день-праздник.

— Теть Шур, — орали балбесы, — вы гений! — И тут же потише: — А еще два? Теть Шур, ну для моей девушки!

И добрая женщина с тяжелым вздохом совала еще парочку.

Еще тетя Шура варила борщи. И это, скажу я вам, были борщи! Борщи, а не жалкое, столовское подобие грязно-бурого цвета с одиноко плавающими лепестками капусты. Были они огненно-красные, с кисловато-сладковатым вкусом, с запахом корня петрушки — подозреваю, принесенного тетей Шурой из дома.

Неправда, что в большом объеме невозможно сделать то, что делается в малом. Я имею в виду кастрюли. Огромный столовский алюминиевый бак с надписью «Первое» источал невероятный запах.

А тети-Шурины запеканки и сырники? А тети-Шурины блины? Да-да, еще был День блинов! Как умудрялась эта немолодая и грузная женщина напечь горы тонких, кружевных, абсолютно домашних блинчиков для необъятной орды под названием «средняя школа»? Невероятно, но факт.

Тетю Шуру все обожали: ученики, учителя, техсостав, и даже строгая и недоступная директриса заискивающе ей улыбалась и отпускала заслуженные комплименты. Появилось и новое наказание — за плохое поведение учителя грозили отлучением от тети-Шуриных шедевров. Но вы ж понимаете — здоровенные балбесы начинали вопить, что родная советская школа пытается заморить их голодом, и орали «Свободу Анджеле Дэвис» — была такая темнокожая героиня в те далекие годы.

Через год тетя Шура ушла. В школе был почти траур. Новых поваров встретили в штыки, и, как оказалось, правильно сделали. Все вернулось на

круги своя — жидкие, несъедобные супы и котлеты, разваренные макароны. Какие там пончики, блины и борщи! Столовка опустела, старшекласники туда не заходили, а бедные малыши уныло ковыряли застывшие каши.

Тетя Шура, простая и добрая русская женщина! Надеюсь, ты прожила долгую жизнь. И, очень надеюсь, счастливую. Надо же, сколько забылось имен, лиц, фамилий, а тетю Шуру я помню.

В общем, глупости, что советский общепит изначально нацелен на несъедобное — чушь! Все дело в человеке, в его совести, любви к ближнему и отношении к своему делу. Тетя Шура нам это доказала.

Бердянск

Бердянск — часть моей жизни. Часть жизни нашей семьи — неотъемлемая и очень счастливая. Поэтому здесь я хочу остановиться подробнее.

В Бердянске жила наша родня: сестра бабушки Анна Борисовна, тетя Ханна, как ее называли, ее муж, замечательный человек Борис Михайлович, и моя прабабушка Мария Метлицкая, моя полная тезка. Дядя Боря, муж тети Ханны, был главным врачом курорта, комплекса лечебниц и санаториев на окраине города.

В самом центре, на улице Красной, у них была небольшая трехкомнатная квартира, которая в летние месяцы имела волшебное свойство расширяться: раздвигались стены и поднимались потолки, чтобы вместить всю родню. А родни имелось немало — у Анны Борисовны было трое сыновей и куча внуков. Приезжали и мы с бабушкой, вывезти хилое дитя на море — дело святое.

В шесть утра две немолодые женщины, бабушка и ее сестра, шли на рынок, и там Анна Борисовна устраивала настоящее представление. Моя деликатная бабушка пряталась за ее спину, дергала ее за руку, пытаясь остановить натиск и не дать сестре продемонстрировать все навыки драматического